

М.А. Габалла

© Габалла М.А., 2024

**МЕМУАРЫ В.В. КОРСАКА-ЗАВАДСКОГО
КАК «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ» В КОНТЕКСТЕ
ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Главного управления миссий при Министерстве науки и высшего образования Арабской Республики Египет в рамках восьмого пятилетнего плана (2017–2022).

Аннотация. Статья посвящена исследованию поэтики «человеческого документа» в творчестве малоизученного писателя первой волны русской эмиграции В.В. Корсака-Завадского (1884–1944) на материале комплексного анализа его прозаической мемуарной серии «Плен», «Забытые», «У красных», «У белых», «Великий исход». Повести рассматриваются в рамках полемики вокруг «человеческого документа» в эмигрантской критике 1920–1930-х годов XX в. В научный оборот вводится часть неопубликованных материалов, отражающих творческое кредо писателя. Показано, что корсаковский «человеческий документ» не наделен модернистскими чертами, доминирующими в творчестве представителей младшего поколения эмиграции. Личный травматический опыт войны и плена определил нарративные рамки повестей В.В. Корсака-Завадского. С опорой на концепции З. Фрейда, Ц. Тодорова, П. Рикёра, Э. Кейси, посвященных проблемам памяти, травмы и соотношения памяти и истории, выявлено, что лейтмотивом мемуарной серии Корсака-Завадского служит «задержанная память». Через мнемонические модусы «напоминание» и «воспоминание», особенно «коллективное», писатель стремится к привнесению в действие мнемонического модуса «узнавания».

Ключевые слова: В.В. Корсак-Завадский; литература русского зарубежья; «человеческий документ»; мемуары; память; травма; мнемонические модулы.

Получено: 10.07.2024

Принято к печати: 15.08.2024

Информация об авторе: Габалла Май Амин Гуда, ассистент, Университет Айн Шамс, ул. Аль Халифа Аль Маамун, район Аль Аббасия, г. Каир, Египет, 11566; аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9305-5857>

E-mail: mai.amin@alsun.asu.edu.eg

Для цитирования: Габалла М.А. Мемуары В.В. Корсака-Завадского как «человеческий документ» в контексте литературы русского зарубежья // Литературоведческий журнал. 2024. № 4(66). С. 137–156.

DOI: 10.31249/litzhur/2024.66.08

M.A. Gaballah

© Gaballah M.A., 2024

V.V. KORSAK-ZAVADSKY'S MEMOIRS AS A "HUMAN DOCUMENT" IN THE CONTEXT OF RUSSIAN ÉMIGRÉ LITERATURE

Acknowledgements. *The research was carried out with the financial support of the General Directorate of Missions under the Egyptian Ministry of Science and Higher Education within the framework of the Eighth Five-Year Plan.*

Abstract. The paper is focused on studying the poetics of “human document” in the works of little-studied writer of the first wave of Russian Émigré Literature V.V. Korsak-Zavadsky. This study is based on a comprehensive analysis of the writer’s memoirs: “Captivity”, “The Forgotten”, “The Reds”, “The Whites”, “The Great Exodus”, in the context of the polemics around ‘human document’ in criticism of the 1920s – 1930s of the 20th century. Part of unpublished materials that reflects the writer’s credo is introduced. It is shown that the writer’s “human document” is not endowed with prevailing modernistic characteristics in the works of the younger generation representatives. The traumatic experience of war and captivity determined the narrative structure of the writer’s works. Based on the concepts of Sigmund Freud, Tzvetan Todorov, Paul Ricoeur, Edward Casey on memory, trauma and the relation between memory and history, it was revealed that the leitmotif

of V.V. Korsak-Zavadsky's stories is the "repressed memory". Through the mnemonic modus of "reminding" and "reminiscing", especially collaborative remembering, V.V. Korsak-Zavadsky aims to activate the mnemonic modus of "recognizing".

Keywords: V.V. Korsak-Zavadsky; Russian émigré literature; "human document"; memoirs; memory; trauma; mnemonic modes.

Received: 10.07.2024

Accepted: 15.08.2024

Information about the author: *Mai Amin Guda Gaballah*, Assistant, Ain Shams University, Al-Khalifa Al-Ma'amun Street, Al-Abbassiyah District, Cairo, Egypt, 11566; Postgraduate Student, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Embankment, 7/9, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9305-5857>

E-mail: mai.amin@alsun.asu.edu.eg

For citation: Gaballah, M.A. "V.V. Korsak-Zavadsky's Memoirs as a 'Human Document' in the Context of Russian Émigré Literature". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(66), 2024, pp. 137–156. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2024.66.08

Намеченная в литературе русского зарубежья тенденция обращения к «человеческому документу», как подчеркивает Н. Яковлева, была мотивирована переосмыслением идеологии в послевоенной культуре, поисками писателями-эмигрантами новых литературных форм и их тесным контактом с западной литературой, в первую очередь, французской [26, с. 388]. Тем не менее в русской эмигрантской критике вопрос о «человеческом документе» был связан с полемикой В.Ф. Ходасевича и Г.В. Адамовича вокруг «отказа от искусства». «Человеческий документ» в статьях Ходасевича¹ эмигрантского периода осмысливается как «дилетантство», «эпигонство», знак «потеря "поэтической школы"» [27, с. 161]. Следует отметить, что позицию Ходасевича поддерживал писатель и критик М.Л. Слоним [19, с. 114]. В то время как для Адамовича «человеческий документ» представлял собой одну из схем развития литературы, для которой характерно «усиление

¹ Неудача «человеческого документа», по словам В.Ф. Ходасевича, заключается в лишении героя, идентичного с автором, творческого начала. Герой человеческого документа, по словам Ходасевича, становится автором на основе «механической функции фиксирования» собственных мыслей и чувств. В итоге творчество заменено либо «исповедью», либо «самозванством» [см.: 23, с. 167–171; 24].

интимности» и «окончательное превращение книги в “беседу с глазу на глаз”» [1, с. 3].

В литературном процессе межвоенного периода нарратив о войне обусловил замену традиционных литературных средств изображения действительности субъективным восприятием реальности. «Успех книги о войне у молодых европейцев был обеспечен только в том случае, если она была написана с личной точки зрения и являла собой персональный отклик на чудовищную действительность», – пишет М. Рубинс [18, с. 26]. Это было вызвано стремлением представителей русского Монпарнаса к поиску новых литературных форм, для которых характерной становится «гибридная природа» в связи с размытостью границ между «фикшн» и «нон-фикшн» [18, с. 57].

Кроме того, осознанная как «главная задача постреволюционной эпохи» идея «собирания истории» и «накопления материала» для будущих писателей, – отмечает Н. Яковлева, – вызвала интерес именно к «документу» и преобразование образа «писателя-наблюдателя» в образ «писателя-историка», «свидетеля» [26, с. 389]. Доказательством может служить высказанное М.А. Осоргиным мнение о закономерности отказа от художественного вымысла как главной особенности литературы послевоенного периода. «То, что случилось, – пишет М.А. Осоргин, – убило надолго деятельность писателя. <...> Мы можем быть только летописцами и готовить материал для будущих писательских поколений. <...> И они, не обремененные хроникой дня, ощутят потребность в вымысле, украшающем искусство. <...> Мы, свидетели истории, этого творческого счастья лишены» [14, с. 7]. Примечательно, что в этом высказывании воплощены главные свойства творчества В.В. Корсака-Завадского.

Вениамин Валерианович Корсак (настоящая фамилия Завадский) (1884–1944)² вошел в историю русской литературы как автор «мемуарного Пятикнижия»³, опубликованного в период с 1927 по 1931 г. «Пятикнижие» составляют повести: «Плен» (1927), «Забывтые» (1928), «У красных» (1930), «У белых» (1931), «Вели-

² В дальнейшем в тексте статьи использован литературный псевдоним писателя: Корсак.

³ Пятикнижием назвал книги Корсака Михаил Осоргин, отзываясь на произведение «Великий исход» (1931) [см.: 25, с. 3].

кий исход» (1931)⁴. Мемуарная серия посвящена воспоминаниям об участии писателя в Первой мировой войне, периоде немецкого плена с 1914 по 1918 г., событиях Октябрьской революции и Гражданской войны в России, эвакуации из Одессы в начале 1920 г. Отметим, что согласно авторской датировке в текстах, работа над повестями продолжалась с начала 1924 по 1926 г.

В эмигрантской критике творчество Корсака ассоциировалось с «документом», особенность которого заключается в глубине и правдивости изображаемой действительности, так как писатель стремился передать экзистенциальный опыт этого поколения эмиграции, пережившего войну, плен и изгнание. Характеризуя первую книгу из Пятикнижия Корсака, «Плен», как «ценный исторический и психологический документ» и самого писателя как «мастера психологического анализа», Ю. Айхенвальд пишет: «В. Корсаку не приходится сгущать красок, он этого и не делает, и достаточно ему и нам обыкновенных, простых, “первых” слов. Ими очерчивается не только физика гибнувших, но и психика их» [2, с. 2]. При этом И. Ковалевская особенно подчеркивает беспристрастность повествования в повести Корсака [6, с. 4].

Разбирая воспоминания Корсака с точки зрения собственного опыта плена, Н.А. Цуриков отмечает, что писатель, живо и психологично изображая «сообщество утраты», «не дает типов пленных, а скорее вообще человеческие типы» [25, с. 3]. Л.Э. Энгельгардт характеризует повесть «Забытые» как «подлинный человеческий документ» [11, с. 61]. И.П. Демидов в отзыве на повесть «У красных» определяет все написанное писателем как «летопись» [4, с. 3], что соотносено с идеей о собирании «сырья» для будущих писателей и историков. Действительно, повести Корсака представляют собой летопись Белого движения, хронику событий Первой мировой и Гражданской войны; в них запечатлены «забытые», малоизвестные страницы истории, доступные только очевидцам событий. Особое значение для осмысления произведений Корсака имеют отзывы М.А. Осоргина, который охарактеризовал их не только как «образ неповторимого жития», но и «страшный доку-

⁴ Уже с начала 1926 г. в «Днях», «Последних новостях» и «Голосе минувшего на чужой стороне» были опубликованы отрывки из этих произведений.

мент недавнего прошлого, в ряду подобных документов – один из ценнейших и достовернейших» [13, с. 461].

«Человеческий документ» в повестях Корсака связан с «эстетикой изображения войны», эпическим мотивом «кровавого письма» [27, с. 136]. Не случайно, что в эмигрантской критике проведены параллели между повестями Корсака «Плен», «Забытые» и романом Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен»⁵, который, по словам М. Рубинс, «апеллировал к эмоциональной потребности человека послевоенной эпохи представить свои страдания и смятение как глубоко личный опыт» [18, с. 26]. Отметим, что на сближение произведений Корсака и Ремарка первым обратил внимание М.А. Осоргин⁶. Высказанного мнения о близости своих мемуаров к роману Э.М. Ремарка сам писатель не принимал, как выясняется из его письма к Т.С. Варшер от 23 марта 1936 г.⁷

⁵ Фактором для сравнения произведений двух писателей может служить и тематика и временная близость выхода повестей Корсака и романа Ремарка. Роман немецкого писателя был впервые опубликован в газетном варианте в 1928 г. и вышел отдельной книгой в 1929 г. Кроме того, в 1931 г. Э.М. Ремарк опубликовал вторую часть этой дилогии «Возращение». Следует отметить, что согласно Национальном сводному каталогу изданий до 1956 г. в 1931 г. в серии мемуаров, исследований и документов по истории мировой войны в издательстве Payot вышел перевод мемуарной дилогии Корсака «Плен» и «Забытые» на французский язык под заголовком *Les prisonniers*. Перевод был выполнен З.Д. Львовским и Л. Стильберт [30, т. 304, с. 163]. Кроме того, была предпринята попытка перевода повестей на немецкий язык, как об этом говорится в письме Ганса Руоффа к А.М. Ремизову от 4 мая 1927 г. [см.: 16, с. 187].

⁶ В своей рецензии «Пятикнижие В.В. Корсака» (1931) М.А. Осоргин пишет: «Те, кто знают книгу Ремарка, встретят знакомые ощущения в части того, что дано В. Корсаком; но немецкому автору было дано видеть только немного; пережитое им пустяк в сравнении с тем, что испытал “смиренный человек” В. Корсака» [15, с. 3].

⁷ В своем письме В.В. Корсак пишет: «Прилагаю отзыв Осоргина о том, что он называет моим “Пятикнижием”. Оно – действительные переживания одного из миллионов людей нашей эпохи. Но война для меня не всегда ужас; на войне человек иногда подымается на страшную высоту, побеждает страх смерти. С Ремарком я “очень не согласен”. Ведь он на войне, на фронте, как говорили мне, никогда не был, он всю войну провел писарем при штабе XXIII-го корпуса; отсюда вероятно и истекает некоторая неточность его положений» [*Halsted B. Vander Poel Campanian Collection, circa 1570–1997, The Getty Research Institute, Los Angeles, Accession no. 2002. M. 16. Series II. A. Letters, 1924–1997, bulk 1924–1947. Tatiana Warscher papers, Letters. Box 86. Folder 2*].

Особого внимания заслуживает тот факт, что после издания первой мемуарной дилогии «Плен» и «Забытые» Корсак переходит от «военного эпоса» к «эмигрантскому эпосу» публикацией в 1929 г. «Истории одного контролера: Роман из жизни эмиграции»⁸. По мнению Н. Яковлевой, в этом произведении намечается трансформация «физиологического очерка» в роман [27, с. 169], как об этом пишет в своей рецензии на роман Корсака М.Л. Гофман⁹. Эту мысль подтвердили и другие рецензенты, оценивая первый роман писателя, в котором наблюдается переход к автонарративу. Факторами подобного сдвига в творчестве Корсака служит, во-первых, стремление писателя к удовлетворению издательских требований¹⁰; во-вторых, трансформация понятия «человеческий документ» в «эстетический концепт» на пороге 1930-х годов в контексте «парижской» литературы, когда тема «отказа от искусства» в литературной рефлексии «активно переосмыслялась на новом, “не-военном”, “не-историческом” материале» [27, с. 145–147]. Этот факт также подтверждает запись от 15 октября 1930 г. в «Грасском дневнике» Г.Н. Кузнецовой [10, с. 180].

⁸ «История одного контролера» носит автобиографический характер. Это бытописание маленького человека, выходца из беженского лагеря и зарабатывавшего себе на жизнь службой трамвайным контролером в городе Александрии.

⁹ М.Л. Гофман пишет: «Несмотря на то, что роман В. Корсака совсем не роман, жизнь и люди Александрии воскресают перед читателем в своем правдивом, а потому убедительном освещении, а повесть о жизни – будничной и рабочей с маленькими радостями – русского эмигранта трогает своей непосредственностью, простотой и документальностью» [3, с. 5].

¹⁰ Несмотря на положительные оценки мемуарной серии Корсака со стороны эмигрантской критики, именно документальная природа творчества писателя служила помехой для публикации его произведений. Так, например, разочарованный отказом редакции «Современных записок» от публикации его произведений из-за их «не художественности», Корсак в своем письме к А.М. Ремизову от 28 октября 1926 г. пишет: «Вот я и задумался: художественная проза, дорогой Алексей Михайлович... Писал то я про настоящую жизнь, но когда писал – болел и за Россию и за тех, с кем худо бывало. И любил то, что писал. Не простые мои воспоминания <...> неужели же это тоже проза, которая не подошла бы Рудневу, потому что она из жизни взята? <...> что-же такое художественная проза? Не там ли <...> правда, любовь и тоска?» [Amherst Center for Russian Culture, A. Remizov and S. Remizova-Dovgello Papers. Series 1. Subseries 1. Box 4. Folder 7].

Свое творчество Корсак превратил в проект, задуманный под влиянием мысли о «Мечте Человеческой», сущность которой заключается не в «культе памяти ради памяти» [17, с. 126], но, по словам самого писателя, это мысль о «воскресении и воскрешении всего жившего, возвращении его к жизни в новом преображаемом виде, о какой-то неясной, но блаженной жизни <...> чтобы облегчить себя, облегчить горе других, найти вечное и утешающее»¹¹.

Характерный для «человеческого документа» мотив памяти в творчестве Корсака перекликается с мотивом написания истории, точнее, как отмечает Н. Яковлева, «мотивом истории, пишущей донос на революцию» [27, с. 140]. В этом контексте выделяется роль Корсака, писателя-историка, работа которого с прошлым состоит не только в «установлении фактов», но, согласно Ц. Годорову, в отборе «наиболее показательных и значимых» из них и их сопоставлении в целях «разыскания не истины, а блага» [20, с. 175].

К творчеству Корсака нам кажется уместным определение «человеческого документа», данное И.С. Янской и В. Кардином: «документ преодоления [боли, унижения, физических и нравственных мучений, страха], свидетельство присутствия духа» [28, с. 6]. Как отмечают критики, этот «документ» рождается обычно под «внутренним напором», т.е. чувством долга, обязанности запечатлеть пережитое, сделать его общим достоянием. Осознание «долга памяти», т.е. «долга не забывать» как морального императива звучит в записях писателя, в речи других участников событий и в редакторском предисловии к первой публикации воспоминаний писателя о плене в 1926 г. в газете «Дни»¹². Так, в своих воспоминаниях о «Великом исходе» Корсак пишет: «Правда, много попало

¹¹ Письмо писателя к Т.С. Варшер от 27 октября 1935 г. [The Getty Research Institute. Vander Poel (Halsted) Campanian collection. Collection Number: 2002. M. 16. Series II. A. Letters, 1924–1997, bulk 1924–1947. Tatiana Warscher papers, Letters. Box 86. Folder 2].

¹² Открывая серию, редакция газеты «Дни» объявляет: «Сегодня мы начинаем печатать печальную, трагическую эпопею русских воинов в германском плену во время великой войны. <...> Вместе с автором «Плена» мы находим, что наш долг напомнить общественному мнению о тех страницах в истории Голгофы России, которые всеми нами почти забыты в урагане гражданской войны и всего большевицкого лихолетья. История же их забыть не может» [9, с. 2].

мусору в Белое движение, терновым венцом облек он его. Но тем святее была жертва тех, кто заграждал дорогу злему безумию... Соберет ли кто-нибудь и когда-нибудь их имена? Сохранит ли добровольный их подвиг чье-либо сердце?» [8, с. 450].

Согласно классификации американского философа Э. Кейси, выделяются три мнемонических модуса – напоминание (*reminding*), воспоминание (*reminiscing*) и узнавание (*recognizing*). Кейси называет напоминающие знаки или указатели как «точки опоры», «экзоскелет памяти, защищающий от забвения» [29, с. 90], которые заставляют думать или делать то, что можно забывать, выступая в качестве связующего звена между прошлым и будущим. Эти указующие знаки бывают внутренними (например, мысли, фантазии и сами воспоминания, выступающие в форме механической ассоциации) или внешними точками опоры воспоминания (фотографии, записные книжки и памятки) [29, с. 102]. В повестях Корсака функционируют и внутренние, и внешние знаки напоминания, выступающие в качестве вспомогательных средств для других мнемонических модусов – воспоминания и узнавания, о чем пойдет речь далее.

Второй мнемонический модус – воспоминание (*reminiscing*) – сводится к оживлению прошлого, воскрешению в памяти отдельных событий, знаний, воспоминаний об определенном объекте при помощи другого. Как отмечает Кейси, канонической формой модуса воспоминания (*reminiscing*) служит «разговор», «устное обращение»; здесь имеется дело не с воскрешением прошлого в форме визуальных образов, но в вербальном плане [29, с. 104]. По мнению М.А. Осоргина, отличительной особенностью Корсака как мемуариста является его способность отодвигать свою личность на незаметный план в повествовании [13, с. 461]. Исходя из концепции Э. Кейси, в повестях Корсака происходит переход от «эгологии» к «интерсубъективности»; «я», «ego» переходит в «мы», так как «чтобы вспомнить нужны другие»¹³ [29, с. 105].

¹³ Представителем этой стратегии, известной как «взгляд извне», и концепции коллективной памяти является французский философ, психолог, социолог Морис Хальбвакс (1877–1945), который предложил концепцию «социальных рамок памяти», приписывая память «непосредственно коллективной сущности», группе или обществу. В этом контексте особый интерес вызывает замечание Кейси о том, что в отличие от напоминания акт воспоминания имеет социальный

Судьба «маленького», «серого», «смиренного духом» человека, от лица которого ведется повествование, служит фоном для передачи биографий «людей без истории», поэтому в воспоминаниях герой никогда не бывает один; сюжетообразующим элементом является мотив спутника, компаньона, приятеля. Тем более в силу коммуникативно-дискурсивного аспекта воспоминания, как отмечает Э. Кейси [29, с. 113], в повестях Корсака идентичность героя-повествователя определена его принадлежностью к «сообществу утраты», члены которого – не просто «слушатели», но активные соучастники в процессе воспоминания со-*reminiscing*. Это особенно актуально для пополнения лакун в воспоминаниях Корсака о репрессиях в других лагерях военнопленных, событиях Октябрьской революции, убийстве царской семьи [см.: 8, с. 368–369] и других событий, очевидцем которых писатель не был. Так в ткань повествования включены реконструируемые рассказы «других», т.е. как отмечает французский философ П. Рикёр, «от роли свидетельствования других в вызывании воспоминаний мы переходим к роли воспоминаний, которые мы имеем как члены группы» [17, с. 170].

Следует отметить, что нарративная стратегия Корсака заключается в том, что, выступая в роли писателя-коллекционера, собирая «сырой материал» для повествования, он создает краткие биографические заметки об участниках событий (некоторые сведения о них либо хранятся в архивах, либо вообще не сохранились), обеспечивая им «вечную», вторую жизнь, «воскрешение». Таким образом, в корсаковском «человеческом документе», согласно концепции И.С. Янковой и В. Кардина, «сквозь голос пишущего доносятся другие голоса» и «его глазами сегодняшней писатель смотрит в прошлое» [28, с. 16].

Как указывает Кейси, модусу воспоминания свойственна фрагментарность повествования, отсутствие хронологической последовательности изложенных событий [29, с. 106]. Это четко выражено в воспоминаниях Корсака о послереволюционной России. Приводим эпизод из «Великого исхода», где переданы фрагменты жизнеописания «жертв» событий. Свой рассказ Корсак начинает таким образом: «В коротких словах история этого поручика была

подтекст. Кроме того, субъект памяти выступает в пассивной форме, а при переходе «я» в «мы» субъект принимает активное участие в процессе воспоминания и артикуляции пережитого при участии других [29, с. 105].

такова» [8, с. 427]. Далее следует рассказ об участии поручика в военных действиях, его ранении и сложности лечения в сложившихся условиях. Таких историй в повестях Корсака много, особенно благодаря широкому географическому диапазону событий, сюжета воспоминаний.

В своей мемуарной серии Корсак обращается и к «изобразительному человеческому документу» (И.С. Янская и В. Кардин). Сюда можно относить фотографии как хранители памяти, надписи на стенах, имеющие значение для эстетики документализма. Так в повести «Плен» писатель, озадаченный вопросом о возможности «забвения» пережитого, задается вопросом: «...на этих стенах остались невидимые письма горя, голода и отчаяния. Прочтут ли их кто-нибудь и когда-нибудь?» [7, с. 223]. Кроме того, надпись на стенах фигурирует как свидетельство, поэтому эпиграфом для «Плена» выбрана именно надпись на стене в башне Венсенского замка.

Помимо образа писателя-историка в повествование введен образ писателя-фотографа, благодаря чему некоторые эпизоды в повестях Корсака обладают фотографической поэтикой, особенно эпизоды из лагерной жизни и периода эвакуации. Так, например, писатель называет витрину фотографа «живым отражением эпохи» [8, с. 97], и в воспоминаниях о плене фотографии воспринимались как свидетельство о репрессиях¹⁴: «Мне самому пришлось видеть фотографический снимок, – пишет Корса, – привезенный одним из денщиков. <...> Снял эту картину один из латышей-переводчиков и переслал в лагерь как документ» [7, с. 97]. Кроме того, в повестях, посвященных воспоминаниям о послереволюционной России, объекты архитектуры выступают в роли «свидетеля», как выясняется из следующей записи писателя: «Прекрасные строения, памятники прошлого, остатки былого довольства и величия, казались частями могучего организма, попорченного и загаженного, задушенного чужими грязными руками» [8, с. 77].

И.С. Янская и В. Кардин полагают, что «человеческие документы», включенные в повествование, выполняют разные задачи, выступая то в качестве иллюстрации, то в роли «двигателя сюжета», то как «стержень» повествования [28, с. 10]. Интересным

¹⁴ По словам писателя, в лагере имелось около ста фотоаппаратов [7, с. 162].

представляется эпизод из повести Корсака «Забытые»; узнав о ближайшем возвращении в Россию из плена, герой-повествователь достает коробку с письмами и начинает их разбирать, чтобы воскресить пережитое за период немецкого плена [см.: 7, с. 324]. Для Корсака эти письма служили внешней точкой опоры, защищающей от забвения, поэтому в ткань повествования включены тексты писем, их пересказ, введены отрывки из газет, хроника исторических и личных событий, что является важным для эстетики документализма.

Третий мнемонический модус в классификации Кейси – узнавание (*recognizing*), в котором происходит процесс отождествления «воспоминания» и «первичного впечатления». Узнавание, как отмечает Э. Кейси, часто предстает как «переходный», пограничный феномен, находящийся где-то между «памятью и восприятием», «прошлым и настоящим», «собой и другим» [29, с. 129]. Отметим, что именно отсутствие третьего мнемонического модуса узнавания в мемуарах Корсака, особенно в период плена, актуализирует характерную для травмированной памяти проблему знания и *не-знания* о травме. Здесь главную роль играет образ писателя-психолога, стремящегося к узнаванию прошлого через воспоминание.

Согласно типологии П. Рикёра выделяются три формы естественной памяти: «задержанная память», «манипулируемая память» и «должная память» [17, с. 104]. В данном контексте нас интересует патолого-терапевтический подход к задержанной памяти, оперирующей, как отмечает П. Рикёр, категориями, заимствованными у психоанализа. Речь идет о больной или травмированной памяти. Анализ повестей, вошедших в мемуарное пятикнижие Корсака, показывает, что для писателя именно задержанная память служит лейтмотивом в произведениях, посвященных периоду немецкого плена, в которых маркерами травмы послужили травматические сновидения, симптомы посттравматического невроза и телесная память.

З. Фрейд полагает, что симптомы неврозов имеют смысл, заключающийся в фиксации человека на определенном отрезке своего прошлого и бессознательное его воспроизведение [21, с. 307–308]. Метод «свободных ассоциаций», как отметил Фрейд в своей лекции «Воспоминание, повторение и проработка», имеет

своей целью выявить первооснову психических нарушений, т.е. так называемые покрывающие воспоминания, и в результате преодолеть сопротивление [22, с. 505]. В этом процессе факт вытеснения приводит к дальнейшему развитию симптомов невроза, выступивших в роли заместителя неосуществленного, вытесненного воспоминания или психического процесса, и лишь путем сознательного переживания происходит процесс примирения с вытесненным [22, с. 509]. В рецензии на повесть «Плен» Ю. Айхенвальд отметил, что из двухсот тридцати восьми страниц первой части мемуарной серии только двадцать три посвящены войне [2, с. 2]. На наш взгляд, писателю нужно было начать процесс воспоминания именно с момента участия в войне, поскольку в первой главе «Плена» кроется первооснова травмы, к которой приходится обращаться для локализации предпосылок пережитого психического конфликта писателя и персонажей в повестях. Проникая в эту область, писатель может обработать травму, т.е. именно война служит отправной точкой для восстановления цепи воспоминаний.

Одним из симптомов задержанной памяти в повестях Корсака служат «видения из прошлого», которые, по словам К. Карут, представляют собой «парадокс, сочетающий в себе вторжение и амнезию: вторжение точных и подробных образов или ощущений, не полностью усвоенных или осознанных в момент их возврата» [5, с. 562]. Сложность видений из прошлого, как полагает К. Карут, обусловлена проблемой непостижимости травмирующего события и сопротивляемостью осмысливанию, т.е. «чтобы видеть, надо не осознавать» [5, с. 565]. Такое *не*-знание в повестях Корсака отражается в историях военнопленных словами «не могу понять, что со мной делается» [7, с. 181] или «я сам не могу объяснить» [7, с. 197]. В «Плене» приводится пример эффекта этих видений в судьбе поручика Маевского [там же]. Во второй части дилогии «Забытые» становится известной судьба Маевского: он повесился. «В связи с его смертью, – вспоминает писатель, – у других стали возникать подобные видения» [7, с. 269–271].

К. Карут отмечает, что видения из прошлого представляют собой часть собственной истории каждой отдельной личности, но в повестях Корсака они воспринимаются травмированными пленными как чужие истории, что служит примером для диссоциативной модели памяти. Это память, для которой характерна «ком-

бинация остроты переживания и недостатка осознания» [5, с. 566]. Диссоциация продолжает развиваться и в воспоминаниях писателя о годах Гражданской войны в России в следующих за «Пленом» и «Забытыми» повестями. Приводим, например, эпизод из повести «У красных»: «И мне казалось, что я когда-то уже ехал по этой дороге, с такими же думами, в такое же время и так же смотрел на небо. Было это когда-нибудь или нет? Мягко заворошились мысли. От темного, бессознательного грунта души что-то тихо отрывалось и окружало усталое сознание отдельными, бесформенными образами» [8, с. 87].

Кроме того, в процессе воспоминания Корсак занимается «внутренним усмотрением», открывая читателю свое второе «я». Это характерная для человеческого документа, по словам Э. Кейси, личностная модель самопознания или самоузнавания – «self-recognition» [29, с. 136–137], к которой писатель обращается особенно в пограничных ситуациях. Кроме того, в последней части пятикнижия Корсак записывает свои рефлексии о собственной памяти в отношении к прошлому для конструирования настоящего. «Мне вдруг показалось, – пишет Корсак, – что это не я, а кто-то другой проделал все это длинное путешествие. И сознание, обеспокоенное таким раздвоением, сильно заработало над восстановлением своего единства. Отправившись от настоящего момента как от самого достоверного, мысль понеслась по коридору прошлого, задерживаясь на отдельных этапах, в поисках моего затерявшегося “я”» [8, с. 417].

Следует отметить, что в повестях Корсака особое внимание уделяется телесной памяти. При этом именно болезни, травмы, по справедливому замечанию Рикёра, нацеливают телесную память на определенные случаи, призывают рассказывать о них [17, с. 68]. Неспособность осмыслить и справиться с сильным аффективным переживанием, вызванным событиями, обостряло у большинства персонажей повестей Корсака предрасположение к погружению, «бегству в болезнь», что служит защитным механизмом, запущенным психикой для «собственной регуляции» [12, с. 60–61]. На этом основании в воспоминаниях о лагерной жизни значительная часть действий происходит в лазарете. Кроме того, особого интереса заслуживает и символичность места проживания героя-повествователя около «анатомического театра» в период пребывания в Киеве

у белых. Не случайно, что именно болезнь и полученные раны как «след», «указатель для напоминания» о Первой мировой войне и плене спасли жизнь писателя, способствовали эвакуации из Одессы [см.: 8, с. 469].

Нельзя не согласиться с высказанным К. Карут мнением о склонности травмированных «пережить эмоции скорее как физические состояния, а не как вербально закодированный опыт» [5, с. 569]. Это вполне совпадает с развивавшимися у персонажей в корсаковских повестях симптомами посттравматического невроза, как видения, потеря сознания и утрата речи. Показательно, что сам писатель вспоминает о том, что в период плена он потерял способность говорить [7, с. 202].

В повестях Корсака персонажи сосредоточены на определенном отрезке пережитой травмы – Первой мировой и Гражданской войнах – и никак не могут освободиться от них, вследствие чего у них отсутствует чувство времени; они неспособны преодолеть разрыв между «прошлым» и «настоящим». Об этом свидетельствуют слова одного из героев: «Для нас не существовало истории, не было прошедшего, не было будущего» [7, с. 297].

Тем не менее процесс переживания травмы в повестях Корсака усложняется преобразованием реального травмирующего события в «видение из прошлого», что оказывается ретроспективной попыткой воспроизведения, так с начала процесса повествования в сознании размываются границы между реальностью и фантазией. Это состояние передает эпизод взятия в плен: «...все это было мной уже видано и испытано, – пишет Корсак, – Но где и когда? Память сильно работала, воспоминания шли в глубь минувшего по чуть заметным следам. А потом сразу все вспомнилось» [7, с. 17]. С одним и тем же травмирующим событием он сталкивается дважды, но в первом случае это не было полностью пережито и не было встречено адекватной психической реакцией.

Подводя итоги, можно констатировать, что творчество Корсака представляет собой феномен «посттравматического роста». Мемуарная проза писателя как «человеческий документ» была продиктована «долгом памяти» и мотивом написания достоверной версии истории для преодоления «манипуляции памятью» и кризиса идентичности личности в условиях войны и эмиграции. Мнемонические техники в первой мемуарной серии писателя не огра-

ничены «напоминанием» и индивидуальным «воспоминанием», так как травмированной «задержанной памятью» обладает не только герой-повествователь, но и другие участники событий. В процессе припоминания писатель ориентирован на модус «узнавания» и «познания» прошлого именно через коллективное воспоминание.

Список литературы

1. *Адамович Г.В.* Человеческий документ // Последние новости. 1933. 9 марта. № 4369. С. 3.
2. *Айхенвальд Ю.* Литературные заметки // Руль. 1927. 9 ноября. № 2113. С. 2–3.
3. *Гофман М.* В. Корсак. История одного контролера // Руль. 1930. 8 января. № 2771. С. 5.
4. *Демидов И.* Летопись В. Корсака // Последние новости. 1930. 9 октября. № 3487. С. 3.
5. *Карут К.* Травма, время и история // Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: НЛЮ, 2009. С. 561–581.
6. *Ковалевская И.* В. Корсак. Плен // Возрождение. 1928. 16 февраля. № 989. С. 4.
7. *Корсак В.В.* Плен. Забытые // Забытая война: сб. ист. лит. произв. / сост. Р.Г. Гагкуев. М.: Содружество «Посев», 2011. 646 с.
8. *Корсак В.В.* У красных. У белых. Великий исход // Красная смута: сб. ист. лит. произв. / сост. Р.Г. Гагкуев. М.: Содружество «Посев», 2011. 624 с.
9. *Корсак В.В.* Плен // Дни. Париж. 1926. 28 октября. № 1144. С. 2.
10. *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Вашингтон: Издательство русского книжного дела. 1967. 319 с.
11. *Л.Э. [Энгельгардт Л.]* В. Корсак. Забытые // Новый корабль. 1928. № 4. С. 61.
12. *Овчаренко В.И.* Бегство в болезнь // Психоанализ. Популярная энциклопедия / сост. и науч. ред. П.С. Гуревич. М.: Олимп; Издательство АСТ, 1998. С. 60–61.
13. *Осоргин М.* В. Корсак. Под новыми звездами // Современные записки. Париж, 1933. № 52. С. 461–462.
14. *Осоргин М.* В тихом местечке Франции. Письма о незначительном. М.: НПК «Интелвак», 2005. 544 с.
15. *Осоргин М.* Пятикнижие В. Корсака // Последние новости. 1931. 26 ноября. № 3900. С. 3.

16. Поляков Ф.Б. Встречи Льва Шестова с переводчиком Гансом Руоффом // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2019. С. 185–189.
17. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
18. Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 328 с.
19. Слоним М. Литературный дневник. Молодые писатели за рубежом // Воля России. 1929. Кн. X–XI. С. 100–118.
20. Тодоров Ц. «Память о зле. Искушение добром» / перевод с франц. Нермин Абдулла Аль Омари. Риад: Издательство «Обейкан», 2006. 454 с. (на араб. яз.)
21. Фрейд З. Введение в психоанализ / пер. с нем. Г. Барышниковой. М.: Издательство Аст, 2022. 544 с.
22. Фрейд З. Воспоминание, повторение и проработка: Дальнейшие советы по технике психоанализа II (1914) // Хрестоматия. Том 1: Основные понятия, теории и методы психоанализа / пер. с нем. А.М. Боковиков. Хрестоматия: в 3 т. М.: Когито-Центр, 2016. С. 501–512.
23. Ходасевич В. Автор, Герой, Поэт // Круг. 1936. № 1. С. 167–171.
24. Ходасевич В. Книги и люди. «Круг», книга третья // Возрождение. 1938. 14 октября. № 4153. Режим доступа: <https://emigrantika.imli.ru/rusparis/450-pom> (дата обращения: 10.03.2024).
25. Цуриков Н. Неустаревшая тема // Россия. 1928. 25 февраля. № 27. С. 3.
26. Яковлева Н. «Человеческий документ» [Материал к истории понятия] // История и повествование: сборник статей. М.: НЛЮ, 2006. С. 372–426.
27. Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Хельсинки: Университет Хельсинки, 2012. URL: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/9f87abaa-0d1f-4523-b580-98c37c10bc47/content> (дата обращения: 01.12.2022).
28. Янская И.С., Кардин В. Человеческий документ и документальная литература // Вопросы литературы. 1979. № 8. С. 4–26
29. Casey Edward S. Remembering: A Phenomenological Study. 2nd edition. Bloomington. Indiana University Press, 2000. 392 p.
30. The National union catalog. Pre-1956 imprints. Volume 304. Korea [terr. under U.S. occupation, 1945–1948] laws, statutes. [O] – Kozhevnikov, S. Mansell, 1973. 712 p.

References

1. Adamovich, G.V. “Chelovecheskii document” [“Human Document”]. *Poslednie novosti*, no. 4369, March 9, 1933, p. 3. (In Russ.)
2. Aikhenvald, Yu. “Literaturnye zametki” [“Literary Notes”]. *Rul'*, no. 2113, November 9, 1927, pp. 2–3. (In Russ.)
3. Gofman, M. “V. Korsak. ‘Istoriya odnogo kontrolera’” [“V. Korsak. ‘The Story of One Con-troller’”]. *Rul'*, no. 2771, January 8, 1930, p. 5. (In Russ.)
4. Demidov, I. “Letopis' V. Korsaka” [“Chronicle of V. Korsak”]. *Poslednie novosti*, no. 3487, October 9, 1930, p. 3. (In Russ.)
5. Caruth, K. “Trauma, vremya i istoriya” [“Trauma, Time and History”]. *Travma: punkty: sbornik statei* [Trauma. Points. A collection of articles], eds. C. Ushakin, E. Trubina. Moscow, NLO Publ., 2009, pp. 561–581. (In Russ.)
6. Kovalevskaya, I. “V. Korsak. ‘Plen’” [“V. Korsak. ‘Captivity’”]. *Vozrozhdenie*, no. 989, February 16, 1928, p. 4. (In Russ.)
7. Korsak, V.V. “Plen. Zabytye” [“Captivity. Forgotten”]. *Zabytaya voina: sbornik istoricheskikh i literaturnykh proizvedenii* [The Forgotten War: a collection of historical and literary works], comp. R.G. Gagkuev. Moscow, Sodruzhestvo “Posev” Publ., 2011, 646 p. (In Russ.)
8. Korsak, V.V. “U krasnykh. U belykh. Velikii iskhod” [“The Reds. The Whites. The Great Exodus”]. *Krasnaya smuta: sbornik istoricheskikh i literaturnykh proizvedenii*. [The Red Time of Troubles: a collection of historical and literary works], comp. by R.G. Gagkuev. Moscow, Sodruzhestvo “Posev” Publ., 2011, 624 p. (In Russ.)
9. Korsak, V.V. “Plen” [“Captivity”]. *Dni*, no. 1144, October 28, 1926, p. 2. (In Russ.)
10. Kuznetsova, G.N. *Grasskii dnevnik* [The Grass Diary]. Washington, Izdatel'stvo russkogo knizhnogo dela Publ., 1967, 319 p. (In Russ.)
11. L.E. [Engelhardt L.] “V. Korsak. Zabytye” [“Forgotten”]. *Novyi korabl'*, no. 4, 1928, p. 61. (In Russ.)
12. Ovcharenko, V.I. “Begstvo v bolezni” [“Escape into Illness”]. *Psikhoanaliz. Populyarnaya ehntsiklopediya* [Psychanalysis. Popular ehncyclopaedia], comp., ed. P.S. Gurevich. Moscow, Olympus Publ.; Izdatel'stvo AST Publ., 1998, pp. 60–61. (In Russ.)
13. Osorgin, M. “V. Korsak. ‘Pod novymi zvezdami’” [“V. Korsak. ‘Under the New Stars’”]. *Sovremennye zapiski*, no. 52, 1933, pp. 461–462. (In Russ.)
14. Osorgin, M. *V tikhom mestechke Frantsii. Pis'ma o neznachitel'nom* [In A Quiet Place in France. Letters about Insignificant Things]. Moscow, NPK “Intelvak” Publ., 2005, 544 p. (In Russ.)

15. Osorgin, M. "Pyatiknizhie V. Korsaka" ["V. Korsak's Pentateuch"]. *Poslednie novosti*, no. 3900, November 26, 1931, p. 3. (In Russ.)
16. Polyakov, F.B. "Vstrechi L'va Shestova s perevodchikom Gansom Ruoffom" ["The Encounters of Lev Shestov with his Translator Hans Ruoff"]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna* [Yearbook of Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna Publ., 2019, pp. 185–189. (In Russ.)
17. Ricoeur, P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury Publ., 2004, 728 p. (In Russ.)
18. Rubins, M. *Russkii Montparnas: Parizhskaya proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma* [Russian Montparnasse: Parisian Prose of the 1920–1930s in the Context of Transnational Modernism], trans. from English M. Rubins, A. Glebovskaya. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 328 p. (In Russ.)
19. Slonim, M. "Literaturnyi dnevnik. Molodye pisateli za rubezhom" ["Literary Diary. Young Writers Abroad"]. *Volya Rossii*, books X–XI, 1929, pp. 100–118. (In Russ.)
20. Todorov, Ts. *Pamyat' o zle. Iskushenie dobrom* [Memory of Evil, Enticement to Good], trans. from French Nermin Abdullah Al Omary. Riyadh, Izdatel'stvo Obeikan Publ., 454 p. (In Arabic)
21. Freud, S. *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introduction to Psychoanalysis], trans. from German G. Baryshnikova. Moscow, AST Publ., 2022, 544 p. (In Russ.)
22. Freud, S. "Vospominanie, povtorenie i prarabotka: Dal'neishie sovery po tekhnike psikhoanaliza II (1914)" ["Remembering, Repeating and Working-through: Further recommendations on the technique of psycho-analysis II (1914)"]. *Khrestomatiya. Vol. 1: Osnovnye ponyatiya, teorii i metody psikhoanaliza* [Chrestomathy. Vol. 1: Basic concepts, theories and methods of psychoanalysis], trans. from German A.M. Bokovikova. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2016, pp. 501–512. (In Russ.)
23. Khodasevich, V. "Avtor, Geroi, Poet" ["Author, Hero, Poet"]. *Krug*, no. 1, 1936, pp. 167–171. (In Russ.)
24. Khodasevich, V. "Knigi i lyudi. 'Krug', kniga tret'ya" ["Books and People. 'Circle', book three"]. *Vozrozhdenie*, no. 4153, October 14, 1938. Available at: <https://emigrantika.imli.ru/rusparis/450-pom> (date of access: 10.03.2024). (In Russ.)
25. Tsurikov, N. "Neustarevshaya tema" ["The Timeless Theme"]. *Rossiia*, no. 27, February 25, 1928, p. 3. (In Russ.)
26. Yakovleva, N. "'Chelovecheskii dokument' (Material k istorii ponyatiya)" ["'Human Document' (Material to the Concept's History)"]. *Istoriya i povestvovanie: sbornik statei* [History and Narrative: Collection of Articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, pp. 372–326. (In Russ.)

27. Yakovleva, N. *“Chelovecheskii dokument”*: istoriya odnogo ponyatiya [*“Human Document”*: the History of One Concept]. Helsinki, University of Helsinki Publ., 2012. Available at: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/9f87abaa-0d1f-4523-b580-98c37c10bc47/content> (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)
28. Yanskaya, I.S., Kardin, V. “Chelovecheskii dokument i dokumental’naya literatura” [*“Human Document and Documentary Literature”*]. *Voprosy literatury*, no. 8, 1979, pp. 4–26. (In Russ.)
29. Casey, E.S. *Remembering: A Phenomenological Study*, second edition. Bloomington. Indiana University Press, 2000, 392 p. (In English)
30. The National union catalog. Pre-1956 imprints. Vol. 304. Korea [terr. under U.S. occupation, 1945–1948] laws, statutes. [O]– Kozhevnikov, S. Mansell, 1973, 712 p. (In English)